

ФЕДОР ГАЙДА*

«РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»: РОЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ**

Получено: 21.12.2019. Принято: 08.04.2020.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о появлении в России социального понятия «интеллигенция». Проанализирована историография вопроса. Автор приходит к выводу, что русский термин «интеллигенция» для обозначения определенной социальной группы (образованного общества, коллективной мыслящей личности) сформировался в 60-е гг. XIX столетия под польским влиянием (в Польше, в свою очередь, понятие появилось из Германии). Решающее значение в этом сыграла публицистика И. С. Аксакова. Первоначально термин воспринимался как инородный и зачастую становился объектом иронических нападок (Н. С. Лесков, И. С. Тургенев, Н. К. Михайловский). Однако уже в конце 1860-х гг. новое понятие было принято на вооружение народническими публицистами (Н. В. Шелгуновым, П. Н. Ткачевым). Для народников имело значение внесловное понимание «интеллигенции». В 1870-е гг. произошло сближение нового понятия с буржуазными слоями, что вновь спровоцировало критику со стороны литераторов (Г. И. Успенского, М. Е. Салтыкова-Щедрина). В ответ появилось понятие «передовая интеллигенция» (П. Л. Лавров). В целом, эволюция термина в России соответствовала польской тенденции: от отвлеченной философской категории к обозначению образованного общества, а затем к его прогрессивно мыслящим (передовым) силам. Новые смыслы возникали на фоне кризиса сословного строя и формирования общественности как самостоятельной политической силы. Основным оружием этой новой силы считались мысль и сознательность, что постоянно побуждало выводить термин «интеллигенция» из-под ударов критиков и вкладывать в него новые позитивные смыслы.

Ключевые слова: интеллигенция, И. С. Аксаков, Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев, М. Е. Салтыков-Щедрин.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-2-229-248.

Герцен:[...] Огромная страна, которая вмещает и оленеводов, и погонщиков верблюдов, и ныряльщиков за жемчугом. И при этом ни одного оригинального философа. Ни единого вклада в мировую политическую мысль.

Кетчер: Есть! Один! Интеллигенция!

Грановский: Это что такое?

Кетчер: То новое слово, о котором я говорил.

*Гайда Федор Александрович, д. и. н., профессор-консультант, БФУ имени И. Канта (Калининград), fyodorgayda@gmail.com.

**© Гайда, Ф. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Огарев: Ужасное слово.

Кетчер: Согласен. Зато наше собственное, российский дебот в словарях.

Герцен: Что же оно означает?

Кетчер: Оно означает нас. Исключительно российский феномен. Интеллектуальная оппозиция, воспринимаемая как общественная сила.

Грановский: Ну!..

Герцен: А... интеллигенция!..

Огарев: И Аксаков интеллигенция?

(Т. Стоппард. Берег утопии)

Споры о русской интеллигенции идут уже не первое столетие. Частью проблемы является вопрос о появлении в России самого понятия «интеллигенция» и его первоначальных значениях. Б. М. Маркевич отмечал, что в отношении определенной социальной группы понятие «интеллигенция» использовалось в Польше еще в 1840-е гг. и лишь позднее было заимствовано в России (Маркевич, 1912: 393). В исследовании Ю. С. Сорокина было рассмотрено постепенное формирование современного понимания «интеллигенции» и так же отмечено польское (или галицийское) влияние. По мнению автора, обозначение «интеллигенцией» определенной социальной группы в России произошло в конце 1860-х гг. (Сорокин, 1965: 144–149)¹. С. О. Шмидт, напротив, настаивал на зарождении такого понимания еще у пушкинского круга в 1830-е гг. (Шмидт, 2000: 90–108). Б. А. Успенский справедливо усомнился в этой гипотезе и также склонился к польской версии (Б. А. Успенский, 1999: 8). Она нашла дополнительное подтверждение в статье польского исследователя Е. Едлицкого, посвященной эволюции понимания «интеллигенции» в польской традиции (автор приводит пример, датированный 1844 г.; Jedlicki, 2009: 15–30). Ю. С. Степанов прослеживает общеевропейскую эволюцию философского понятия «интеллигенция» в первой половине XIX в.: у Ф. Гизо в «Истории цивилизации во Франции» (1829 г.) это «разлитый в обществе разум-интеллигенция», у Гегеля — «представление, интеллект», а К. Маркс в 1842 г. уже критикует понимание

¹В статье А. К. Панфилова были приведены примеры применения понятия «интеллигенция» в русской прессе именно по отношению к польской элите начиная с 1862 г. (Панфилов, 1970: 367–370).

«интеллигенции» как ученого сообщества (Степанов, 1999: 18–20)². Таким образом, в германском контексте «интеллигенция» как социальная группа появляется ранее, чем в польском: можно предположить заимствование польского понятия из Германии. С. В. Мотин указал на приоритет И. С. Аксакова в употреблении нового термина в русском контексте. Первым таким примером исследователь считает статью «В чем недостаточность русского патриотизма?», опубликованную 17 октября 1864 г. (Мотин, 2012: 838–844).

Многозначное латинское слово *intelligentia*, как известно, включает в себя целый ряд понятий: (1) понимание, рассудок, познавательная сила, способность восприятия; (2) понятие, представление, идея; (3) восприятие, чувственное познание; (4) умение, искусство. В первой половине XIX в. в Германии уже сформировалось новое значение: *intelligentia* (нем. *Intelligenz*) как ученое сообщество. В Польше социальное понимание «интеллигенции» уже было значительно расширено. Философ и общественный деятель К. Либельт в 1844 г. под «интеллигенцией» понимал «всех тех, кто, получив более тщательное и обширное образование в высших учебных заведениях, становятся лидерами нации в лице ее ученых, чиновников, учителей, священнослужителей или промышленников; они стоят во главе нации из-за их более высокой просвещенности» (Jedlicki, 2009: 17). Впоследствии акцент был смещен с образования на идейность. Не позднее 1861 г. «интеллигенцией» в Польше стали именовать патриотически настроенную национальную элиту (там же: 17–18). Программная статья в львовском издании «Литературный журнал» (автор — писатель и историк К. Шайноха, 1861 г.) провозглашала: «Для того, чтобы называться интеллигенцией общества, оно требует, чтобы его члены понимали национальное дело, лелеяли его, работали и были готовы многим пожертвовать для него, одним словом общество требует, чтобы интеллигенция любила свою страну [...] Это слово в своем польском понимании имеет некоторые духовные размеры, которые ни один глаз измерить не может [...] таким образом, это никоим образом не может применяться только к профессии» (там же). Издатель варшавского «Еженедельного обзора общественной жизни, литературы и изобразительного искусства» А. Виглицкий в 1880 г. отмечал (там же: 23):

² Автор отмечает статьи К. Маркса «О сословных комиссиях Пруссии» (1842 г.; Маркс, 1975: 275–291).

Роль интеллигенции имеет решающее значение для настроений нации, и поскольку самосознание является основным условием ее существования, интеллигенция является группой, которая должна определить себя, чтобы сформировать будущее общества; интеллигенция также несет ответственность за все последствия своей социальной работы.

Русско-польский общественный деятель и ученый В. М. Козловский в 1893 г. писал о представителях интеллигенции (Jedlicki, 2009: 24):

Поскольку они должны думать обо всем обществе, они должны непременно отвечать интересам и симпатиям любого отдельного слоя. [...] Интеллигенция должна быть не только самой мудрой группой общества, но и лучшей. [...] Это судьба интеллигенции — они проповедники идей.

Однако встречалась и критическая точка зрения, выраженная, например, Б. Прусом (1886 г.) (там же: 25):

Это неопровержимая истина, и слишком грустно от слов, что интеллигенция не имеет никакого отношения к крестьянам, интеллигенты не знают и не понимают их, не воспринимают их и не пытаются влиять на них. Еврейский хранитель и ростовщик, младший юрисконсульт или даже вор [...] больше связаны с крестьянами, чем интеллигенция, которая притворяется вождем общества.

В данном случае «интеллигенции» придавалось прежнее значение — образованное общество.

В русской культуре слово «интеллигенция» прописалось по мере обретения вкуса к западной философии, преимущественно немецкой классической. Например, в дневнике за 1836 г. В. А. Жуковский писал об «интеллигенции» как *самосознании*: «Кареты, все исполненные лучшим петербургским дворянством, тем, которое у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию» (Жуковский, 2004: 40). В письме Н. П. Огарева к Т. Н. Грановскому в 1850 г. упоминается «какой-то субъект с гигантской интеллигенцией» (Черняк, 1933: 163). П. Д. Боборыкин, настаивавший уже в начале XX в. на том, что именно он породил термин «интеллигенция» в его новом, социальном понимании (Боборыкин, 1904: 80), на самом деле первопроходцем отнюдь не был. Например, в его романе «Жертва вечерняя» (1868 г.) это слово употреблялось в традиционном значении: «Даже теперь я вижу, что твой ум возбужден неизмеримо больше, чем это было два года тому назад. Я вижу, что по твоей интеллигенции [...] прошла рука опытного мастера» (Боборыкин, 1886: 196). По своей исторической этимологии

в русской культуре «интеллигенция» сперва оказалась весьма близка к понятию «личность». И то, и другое представляло собой гегелевское «самосознание» (Гайда, 2019b: 45–71). Для Г. Ф. В. Гегеля личность выступала объективно сознающим себя субъектом (Гегель, Столшнер и Левина, 1990: 96). При этом человек был обречен отстаивать себя как личность (Гегель, Воден, 2000: 100, 118). Гегелевское определение, идеократическое по своей сути, пришлось очень кстати.

Уже в 1860-е гг. в России появляется новое понимание «интеллигенции» как образованного общества. Ю. С. Сорокин привел пример, относящийся к 1861 г. В статье слависта, профессора Харьковского университета П. А. Лавровского, посвященной Галиции, сообщалось: «Бесспорно, образованный класс, или, как называют его в Австрии, интеллигенция, отчетливо понимает значение сочувствия и помощи, ясно видит, что в таком-то случае правительство имеет свои расчеты» (Сорокин, 1965: 147). Таким образом, Лавровский употреблял слово в еще не привычном для русского общества значении. У А. К. Панфилова также цитируется статья за 1862 г., где обыгрываются сразу два значения слова: «Поляки (и друзья их) считают себя интеллигенцией края. Нужно не иметь никакой интеллигенции, чтобы считать их интеллигенцией вообще и интеллигенцией края в частности» (Панфилов, 1970: 367). В 1864 г. газета «Киевлянин» передавала разговор местного губернатора с польским помещиком, отказавшимся говорить по-русски (там же: 369):

— А на каком же языке вы объясняетесь с вашими русскими крестьянами? — А то мы с теми холопами говорим их мужицким языком, — отвечал один из представителей так называемой интеллигенции в крае. — Ну и со мной говорите тем же мужицким языком: я такой же русский, как и ваши крестьяне, и говорю так, как говорят они, — возразил изумленной интеллигенции представитель русского правительства в русском крае.

Как отметил А. К. Панфилов, само слово применялось именно в отношении польской элиты (там же). Летом 1863 г. термин появился в публицистике И. С. Аксакова. 22 июня 1863 г. он пояснял читателю: «Общество, т. е. та туземная среда, независимая по положению, поднимающаяся над общим уровнем населения своими материальными средствами и образованием, и называемая обыкновенно „интеллигенцией края“». По словам Аксакова, она вместе с католическим клиром

противостояла «простому народу», православному духовенству и чиновникам. 31 августа 1863 г. публицист вновь упомянул «Польскую интеллигенцию» (Аксаков, 1886: 109, 204).

Ю. С. Сорокин делает вывод: «Возможно, что и в дальнейшем на распространение у нас этого слова (как раз в период после Польского восстания 1863 г.) оказала влияние польская или западно-украинская среда». Однако аргументы для своей гипотезы автор находит лишь в текстах конца 1860-х гг. (Сорокин, 1965: 147). Тем не менее, есть и более ранние примеры. 11 апреля 1864 г., на исходе Польского мятежа, который столь сильно повлиял на внутрироссийские настроения, И. С. Аксаков опубликовал в своей газете «День» передовую статью «О значении областной России и необходимости областной печати», в которой писал (Аксаков, 1891: 181–182, 184) ³:

Что бы случилось с Россией, если бы она управлялась не внутренними, не органическими началами своего хотя бы и неорганизованного земства, а только и единственно так называемым *образованным обществом* Санкт-Петербурга и Москвы — так долго чуждавшимся Русской народности и только теперь сближающимся с нею?!.. Что бы случилось с Россиею, если б она была способна вполне подчиниться влиянию — например, хоть бы столичной светской среды или бюрократической стихии, обхватившей столичную *интеллигенцию* и, так сказать, вертеться, как флюгер, по воле всех ветров, дующих из-за границы, видоизменяться по прихоти всех теоретиков, начинивших свои пустые головы заемным содержанием и благоговеющих перед всякою последнею модною теориею, привезенную с Запада? [...] Пока *интеллигенция* в России жила полною невозмутимую верою в Запад, она могла, говоря ее языком, игнорировать провинцию и пренебрегать ею.

17 октября 1864 г. Аксаков писал: «Скрывать от иностранцев разрыв *образованных классов* с народом, слабость народного самосознания в Русском обществе, недостаток цельности, единства духовного с Русской землей и отсутствие органического творчества в так называемой Русской *интеллигенции* — скрывать это было бы совершенно напрасно; да и невозможно» [курсив наш — Ф. Г.] (там же: 224–225).

³Статья от 21 октября 1863 г. имеет название «Отчужденность интеллигенции от народной стихии» (Аксаков, 1891: 8), но оно не носит оригинального характера и дано публикатором уже после кончины И. С. Аксакова; в самом тексте упоминания «интеллигенции» нет. В предыдущей статье от 14 октября присутствует понятие «наше самосознание» (там же: 6). Ср. словесные обороты из статьи от 5 января 1863 г.: «Общество как народ на второй ступени своего развития, как народ самосознающий. [...] Дворянство [...] представляло собою силу интеллигентную, но не народную, и в строгом смысле слова не составляло и общества» (Аксаков, 1887а: 200–201).

Личная история взаимоотношений Аксакова с понятием «интеллигенция» сложилась прямо противоположным образом, чем у Боборыкина: введя его в оборот в наиболее распространенном позднее значении, Аксаков затем ставил его под сомнение. В речи при открытии памятника А. С. Пушкину 7 июня 1880 г. Иван Сергеевич говорил (Аксаков, 1887b: 816, 833):

Жизнь наводнилась ложью, призраками, абстрактами, подобиями, фасадами — и колоссальным недоразумением между народом и его так называемой «интеллигенцией» — официальной и неофициальной, консервативной и либеральной, аристократической и демократической. [...] Пусть изваянный в меди образ этого всемирного художника и русского народного поэта неумолчно зовет чреды сменяющихся поколений к труду народного самосознания, к плодотворному служению *истине* на поприще *правды народной*, чтоб сподобиться, наконец, русской «интеллигенции» стать действительным высшим выражением русского народного духа и его всемирно-исторического призвания в человечестве! [здесь и далее: курсив автора — Ф. Г.].

Предполагая польские корни термина, Ю. С. Сорокин указывал на его употребление Н. Я. Данилевским (Сорокин, 1965: 148). В его труде «Россия и Европа» (1869 г.) фигурирует преимущественно «польская интеллигенция», причем Данилевский часто применял оборот «так называемая» (Данилевский, 1995: 29, 82, 303, 309, 332, 333, 343–344, 396, 432, 459). В данном случае нет никаких сомнений в содержании самого термина (там же: 343):

Такие примеры гармонического внутреннего развития народной образованности вообще не слишком часты, — и лучшим из них может служить Англия. Ни Россия, ни другая какая-либо славянская страна не могут ими похвалиться; а без такой народной основы так называемая интеллигенция ничто иное, как более или менее многочисленное собрание довольно пустых личностей, получивших извне почерпнутое образование, неперевавших и неусвоивших его, а только перемалывающих в голове, перебалтывающих языком ходячие мысли, находящиеся в ходу в данное время под пошлой этикеткой — современных.

И далее: «Говорим „народы“, хотя в данном случае увлечение касается только общества (т. е. интеллигенции), но общество представляет собой движущуюся часть народа, а остальная часть является хранильницей непечатых сил» (там же: 432).

Можно привести ряд примеров за 1865 г., когда понятие «интеллигенция» употребляется в разных значениях. В дневнике кн. В. Ф. Одоевского за 11 августа 1865 г. отмечено (Одоевский, 1935: 198):

Милотин говорит: поляки в продолжение 40 и более лет смотрели на нас, как на *медведя*, правда — но с которым человек, *одаренный умом* (т. е. поляк), всегда может справиться посредством своей интеллигенции. Надобно их уверить, что и москаль не лишен интеллигенции.

А. В. Никитенко 7 апреля 1865 г. использовал переходный вариант («интеллигентное», т. е. образованное общество): «В так называемом интеллигентном обществе мало участия к этой великой скорби отца и царя-освободителя, но народ будет глубоко огорчен» (Никитенко, 1955: 507). Далее значение употреблялось вполне традиционное. 31 января 1865 г. в дневнике зафиксировано: «Вот что, между прочим, сказал остзейский губернатор граф П. А. Шувалов в речи своей в Дерпте, обращенной к представителям тамошнего университета, дворянства и прочее» (там же: 497):

Хотя я не уроженец этих провинций, но знаю по опыту, что по многим отраслям деятельности на всем пространстве нашего обширного государства нет лучшей рекомендации, как образование, полученное в Дерпте. [...] Выходит так, что за все лучшее, что мы имеем в нашей интеллигенции, за все это мы обязаны одним нашим немцам.

13 августа 1865 г. Никитенко записал в дневник (Никитенко, 1956: 130)⁴:

⁴С учетом приведенных цитат следует заключить, что под «интеллигенцией» Никитенко ранее, в 1864 г., вероятно, понимал все же самосознание. 25 февраля в дневнике появилось такое рассуждение: «Что поляки не могут снести вида русского мужика, что они питают к нему вместе и антипатию и презрение, — это понятно, потому что действительно они образованнее, а русский мужик или масса народа покоится еще в древнем варварском киммерийском мраке. Но непонятно то, что они те же чувствования питают к так называемому образованному сословию: ведь они уж никак не выше его. Тот же умственный и нравственный разврат, та же пустота ума, отсутствие всякого характера и пр. и пр. Их интеллигенция — такая же гадость, как и наша, да у них еще хуже, с прибавкою католицизма. Тут поистине нечем гордиться и превозноситься перед нами» (Никитенко, 1955: 413–414). 22 марта было записано: «Тут прочитал он целую огромную филищину противу русских литераторов: как они малограмотны, малосведущи и бесстыдно недобросовестны. Он привел несколько фактов и примеров тому, которые, в самом деле, не много делают чести нашей интеллигенции» (там же: 424). 21 апреля описывалось скандальное поведение русских «нигилистов» и студентов: «Дивны дела твои, о русское общество и русская интеллигенция!» (там же: 432). Запись 4 октября отчетливо демонстрирует традиционное понимание термина «интеллигенция»: «Наша народность пока сильна только своею численностью, смутным сознанием своей силы и смутным же стремлением к самостоятельности. Разумеется, и эту силу и эту самостоятельность, равно как и сознание их, надобно всячески поддерживать, но не криком и показыванием кулаков, а более деятельными и твердыми стремлениями к развитию наших умственных и нравственных сил, к развитию народной интеллигенции» (там же: 466).

Они думают опираться единственно на массы, и потому для них не существует привилегированных состояний. Дворянство, наследственная аристократия, конечно, почти во всей Европе утратили свою силу и обаяние; но взамен их там выступила другая аристократия — аристократия ума, знания, таланта, словом, аристократия народной интеллигенции. Вот с нею-то труднее управлять. Наполеон III до сих пор управлялся, и некоторые другие захотели ему подражать, но мыслящая Франция, однакоже, с каждым днем заявляет свои силы и подымается на ноги. Тут в конце концов несдобровать деспотизму, опирающемуся на массы.

Министр внутренних дел П. А. Валуев 12 февраля 1865 г. написал в дневнике (Валуев, 1961: 22):

Кн. Долгоруков [...] сказал мне, что он объяснялся с Н. Милютиным насчет того, как он разумеет устройство управления под фирмою: «Царь и народ». Милютин объяснил, что прежде дворянство стояло между государем и частью подданных, но что и тогда уже не было никого между царем и государственными крестьянами. Теперь же вместо 10 млн., имеющих прямое общение с царем, 20 млн., — вот и все различие. Управление по-прежнему будет состоять из элементов *интеллигенции* без различия сословий, призываемых к правительственной деятельности правительственной властью.

Под «элементами интеллигенции», таким образом, уже понимаются представители образованного общества. Но и в 1870 г. М. Е. Салтыков (Щедрин) вполне мог писать так: «Все эти картины и рассказы живописуют именно высшее русское общество, в котором, по всем данным, должна была сосредоточиваться наша интеллигенция» (Салтыков-Щедрин, 1970: 390)⁵.

Появление нового термина зачастую иронически обыгрывалось. В дневнике В. О. Ключевского сохранилась запись (между 14 апреля и 7 мая 1866 г.) (Ключевский, 1968: 228):

А вот и интеллигенция! Что она? Как себя чувствует? Грустно! Народ безумствует пред великими фигурами Минина и Пожарского, не понимая их смысла и значения, жаждет молебнов с вином, попирает и религию и историю — все свое нравственное и умственное достояние. А интеллигенции грезятся призраки или сама она становится безобразным призраком, в действительность которого не хотелось бы верить. Презренная учащаяся молодежь, ругающаяся и над верой и над народом, устраивает процессии к Иверской, ставит

⁵Н. В. Шелгунов в 1871 г. писал о «людях интеллигенции». При этом уже в 1875 г. у него встречается понятие «интеллигент» (Шелгунов, 1871: 23; Шелгунов, 1875: 134; Языков Н. [Шелгунов Н. В.], 1875: 70–101; Сорокин, 1965: 145–146, 148–149).

неугасимые лампы, носит на руках заведомого, осмеянного ей самой дурака и мошенника, — всякий глупый торгаш чувствует себя вправе сказать ей в глаза, что еще недавно она бунтовала *на всех трех языках*. Мыслящие люди, неучащиеся дети, — что они? — толкуют о черни, смешивая ее с народом и сравнивая с парижским пролетариатом, глумятся над ее безобразиями и боятся ее дикой силы, кружатся в болоте собственных недодуманных, нервических соображений и, не зная выхода, не видя ничего ни впереди, ни за собой, вызывают великие тени Петра и Екатерины, винят их в собственных гадостях, не желая подумать, что в их собственные головы не влезет и миллионной доли того, что продумали и выносили в душе поругаемые великие наши деятели. Предания, будущее и прошедшее — все нипочем!.. Мне жаль тебя, русская мысль, и тебя, русский народ!

В хронике «Чающие движения воды» (первоначальной версии «Собо-рян», опубликованной в 1867 г.) Н. С. Лесков писал (Лесков, 1867: 491) :

В Старом Городе, конечно, были люди и поразвитее, и подальнороче — была своя интеллигенция, даже было несколько сортов этой интеллигенции; но на всех представителей этой интеллигенции Глафира смотрела, не видя их вовсе, как не видала валявшихся перед ее домом неграмотных. Интеллигенцию эту составляли преимущественно не коренные старогорожане, а люди пришлые — чиновники и духовенство. Все они играли между собою в карты, строили друг другу разные шуточки и штучки, и все жили своею жизнью, не желая никакой иной жизни, и ни о какой иной жизни не мечтали, тогда как Глафира жила одними мечтами.

Подобная ирония была характерна и для И. С. Тургенева в рассказе «Странная история» (1869 г.): «А впрочем, послезавтра в дворянском собрании большой бал. Советую съездить: здесь не без красавиц. Ну и всю нашу *интеллигенцию* вы увидите» (Тургенев, 1981: 139–140). Н. К. Михайловский в 1868 г. писал (Михайловский, 1868: 337–338):

Литератор, чиновник, адвокат, актер, околоточный надзиратель, артист, духовное лицо, — все это несомненная интеллигенция. Всякая Перепетуя Епистратовна мнит себя причастною к интеллигенции, «потому как она дама образованная». А уж если человек знаком с Персией по персидскому порошку, с Англией по английской соли и с Францией по французской болезни, то интеллигенция его не подлежит ничьим сомнениям. Кажется, Наполеон говорил: «поскоблите русского и обрячете казака, поскоблите казака и обрячете медведя». Теперь к этому изречению следует еще прибавить такой хвостик: «поскоблите медведя и обрячете интеллигенцию».

С этого времени «интеллигенция» в аксаковском значении социальной группы уже встречается у целого ряда социалистических публицистов.

Однако, в отличие от Михайловского, другие авторы относились к новому термину вполне серьезно. П. Н. Ткачев заявлял (Ткачев, 1975: 292, 295):

Образованное меньшинство стоит почти на одинаковом уровне развития с образованным меньшинством западной Европы, — мало того, — по господствующим в нем тенденциям, по господствующему в нем складу и направлению мысли, оно, по крайней мере, в лице своих лучших представителей, может занять не последнее место в первых рядах европейской интеллигенции. [...] По своему строго-критическому отношению к окружающим ее явлениям, по смелости своей мысли, — она ни в чем не уступает лучшей части западно-европейской интеллигенции.

При этом Ткачев отмечал новую важную тенденцию:

Центр тяжести нашей интеллигенции переместился; прежде она почти исключительно выходила из сословия прочно обеспеченного, консервативно настроенного; теперь же барская интеллигенция должна была ступеваться перед другою, вышедшею из другого класса людей. Этот другой класс людей, начавший формироваться очень давно, и получивший особенно сильное развитие после экономических преобразований, составляет нечто среднее между сословием прочно обеспеченным и совсем необеспеченным. Умственные занятия и другие тесно связанные с ними отрасли труда служат для него единственным средством к существованию; а так как запрос на продукты подобного труда, при таких условиях, в которых живет большинство нашего населения, весьма ограничен, то понятно, что обеспечение этого класса не представляет никакой прочности, никакой солидности. Видя источник своего существования единственно в своей собственной деятельности, в своем личном труде, — он не имеет ни малейших оснований питать нежные чувства к каким-либо другим посторонним источникам, которые его не поят и не кормят.

Профессионализация интеллектуального труда была отмечена Н. В. Шелгуновым: «Интеллигент — не всякий, кто думает. Надо знать, что думать, надо уметь думать» (Языков Н. [Шелгунов Н. В.], 1875: 71; Сорокин, 1965: 145–146, 148–149).

Постепенно новый термин входил в лексикон более умеренных кругов. В 1875 г. Ф. М. Достоевский отметил в записной книжке (в ней также содержались полемические выпады против Н. К. Михайловского): «Вся интеллигенция России, с Петра Великого начиная, не участвовала в прямых и текущих интересах России, а всегда тянула дребедень отвлеченно-интеллигентскую...» (Достоевский, 1980: 267). Через несколько

лет, 19 декабря 1880 г., в письме А. Ф. Благодравову писатель поставит вопрос о «неинтеллигентности» (несознательности) интеллигенции и необходимости «новой интеллигенции» (Достоевский, 1988: 236):

Нет, уж я лучше буду с народом; ибо от него только можно ждать чего-нибудь, а не от интеллигенции русской, народ отрицающей и которая даже не интеллигентна. Но возрождается и идет новая интеллигенция, та хочет быть с народом. А первый признак неразрывного общения с народом есть уважение и любовь к тому, что народ всею целостью своей любит и уважает более и выше всего, что есть в мире, — то есть своего Бога и свою веру. Эта новогрядущая интеллигенция русская, кажется, именно теперь начинает подымать голову. Именно, кажется, теперь она потребовалась к общему делу, и она это начинает и сама сознавать.

К этому времени появились расширительные трактовки «интеллигенции». В письме Н. К. Михайловскому, 14 марта 1876 г. Г. И. Успенский назвал «интеллигенцией» конторских служащих (Г. И. Успенский, 1951: 192):

Подлые концессионеры глотают миллионы во имя разных шарлатанских проектов, — а во сколько же раз подлее интеллигенция, которая не за миллионы, а за два двугривенных осуществляет эти разбойничьи проекты на деле, там, в глубине страны?

Одновременно Успенский использовал и обычное значение: «Жизнь крепостного народа всегда была сокрыта для русского общества, быть может потому, что и интеллигенция-то русская сплошь состояла из душевладельцев» (Г. И. Успенский, 1953: 69). Под «интеллигенцией» могли подразумевать и различные социальные элиты. Путешественник П. И. Огородников писал (Огородников, 1878: 187):

В интересах отечественной торговли и промышленности *настоятельно требуется присутствие русского элемента в Персии, для распространения в ней наших произведений, но только торговая интеллигенция в состоянии устроить это дело*, а не рутинная торговля армян и мусульман, доставляющих сюда из России товары, какие вывозили их деды и отцы.

Однако к концу 1870-х гг. «интеллигенция» в значении образованной общественности стала повсеместно употребляема, причем среди публицистов разных политических направлений. Во втором издании словаря В. И. Даля (1881 г.) приводилось такое значение: «Интеллигенция — разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» (Даль, 1881: 44). В 1879 г. Щедрин уже высмеивал подобные определения (Убежище Монрепо; Салтыков-Щедрин, 1972: 386–387):

Благодаря этим наблюдениям, я знаю, например, что независимо от клейменных русских словарей в нашей жизни выработался свой собственный подоплечный словарь, имеющий очень мало сходства с клейменными. И представь себе, Разуваев, что когда речь идет о выражениях еще не утвердившихся, новоявленных, каковы, например: интеллигенция, культура, дирижирующие классы и пр., то я положительно предпочитаю последний первым. Я инстинктивно чувствую, что клейменные словари фаталистически обречены на повторение задов. [...] Но, по счастью, рядом с клейменными словарями существует толковый интимно-обывательский словарь, который провидит и отлично объясняет смысл даже таких выражений, перед которыми клейменный словарь стоит, уставясь лбом в стену. Вот к этому-то неизданному, но превосходнейшему словарю я всегда и обращаюсь, когда мне нужно вложить персты в язвы. [...] Я, по старой привычке, беру сначала клейменный словарь и спешу справиться в нем: что сей сон значит? Но увы! никаких утешений в нем не обретаю, кроме того, что интеллигенция есть интеллигенция, а правящий класс есть тот, который правит. Тогда я припоминаю, что у нас есть еще неизданный интимно-обывательский толковый словарь, мысленно развертываю его и читаю следующее: *Интеллигенция*, или кровопивство... *Правящий класс*, или шайка людей, втихомолку от начальства объегоривающая...

При этом позднее (1886 г.) в творчестве Щедрина акценты поменялись (Мелочи жизни; Салтыков-Щедрин, 1974: 12–13):

В последнее время многие огульно обвиняли нашу интеллигенцию во всех неурядицах и неурядицах и предлагали против нее поистине неслыханные, по своей нелепости, меры. [...] Не будь интеллигенции, мы не имели бы ни понятия о чести, ни веры в убеждения, ни даже представления о человеческом образе. Остались бы «чумазы» с их исконным стремлением расцарапать общественный карман до последней нитки

Подобное понимание соответствовало тенденциям 1880-х гг., когда уже рождалось представление о «настоящей» или «передовой» интеллигенции. О «передовой интеллигенции» писал в 1884 г. П. Л. Лавров (Социальная революция и задачи нравственности; Лавров, 1965: 486, 489). Позднее он отмечал: «Историческая эволюция имеет место, как имела место с самого начала исторического времени, лишь в меньшинстве *интеллигенции*, которая одна познала наслаждение развитием, ощутила в нем потребность и с тем вместе стала жить исторической жизнью» (Биография-исповедь; там же: 647).

Таким образом, русский термин «интеллигенция» для обозначения определенной социальной группы (образованного общества) сформировался в 60-е гг. XIX столетия под польским влиянием. Первоначально

он воспринимался как инородный и зачастую становился объектом иронических нападок. Однако уже в конце 1860-х гг. новое понятие было принято на вооружение народническими публицистами. Позднее, в 1880-е гг. в русской социалистической публицистике начнет складываться новое значение интеллигенции: упор будет сделан не на образовании, а на идейности (Гайда, 2019а: 141–149). Впрочем, в польском контексте это произошло еще в начале 1860-х гг. Как бы то ни было, а новые смыслы возникали в России на фоне усиливавшегося кризиса сословного строя и формирования общественности как самостоятельной политической силы. Основным оружием этой новой силы считались мысль и сознательность, что постоянно побуждало выводить термин «интеллигенция» из-под ударов критиков и вкладывать в него новые позитивные смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

- Jedlicki J.* Problems with the Intelligentsia // *Acta Poloniae Historica*. — 2009. — Т. 100. — С. 15–30.
- Аксаков И. С.* Сочинения И. С. Аксакова 1860–1886. В 7 т. Т. 3. — СПб. : Типография Л. Г. Волчанинова, 1886.
- Аксаков И. С.* Сочинения И. С. Аксакова 1860–1886. В 7 т. Т. 6. — СПб. : Типография Л. Г. Волчанинова, 1887а.
- Аксаков И. С.* Сочинения И. С. Аксакова 1860–1886. В 7 т. Т. 7. — СПб. : Типография Л. Г. Волчанинова, 1887б.
- Аксаков И. С.* Сочинения И. С. Аксакова. В 4 т. Т. 2. — СПб. : Типография А. С. Суворина, 1891.
- Боборыкин П. Д.* Собрание сочинений. В 12 т. Т. 5. — М. : Типография Товарищества М. О. Вольфа, 1886.
- Боборыкин П. Д.* Русская интеллигенция // *Русская Мысль*. — 1904. — № 12. — С. 80–82.
- Гайда Ф. А.* Миссия «интеллигенции» в публицистике русского освободительного движения (1882–1909) // *Вопросы философии*. — 2019а. — № 9. — С. 141–149. — DOI: 10.31857/S004287440006326-3.
- Гайда Ф. А.* Понятие «личность» в эпоху Достоевского : самосознание или самопожертвование? // *Достоевский и мировая культура : Филологический журнал*. — 2019б. — Т. 6, № 2. — С. 45–71. — DOI: 10.22455/2619-0311-2019-2-45-71.
- Гегель Г. В. Ф.* Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столпнер, М. И. Левиной. — М. : Мысль, 1990.
- Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории / пер. с нем. А. М. Водена. — СПб. : Наука, 2000.

- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. — СПб., М. : Типография Товарищества М. О. Вольфа., 1881.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа : Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. — СПб. : Глаголь, 1995.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 21. Дневник писателя 1873. Статьи и заметки 1873–1878 / под ред. Л. Д. Опульской. — М., Л. : Наука, 1980.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 30. Ч. 1. Письма, 1878–1881 / под ред. А. В. Архиповой. — М., Л. : Наука, 1988.
- Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 14 / под ред. И. А. Айзиковой, Н. Ж. Вётшевой. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. — М. : Наука, 1968.
- Лавров П. Л.* Философия и социология : Избранные произведения. В 2 т. Т. 2 / под ред. А. Ф. Окулова. — М. : Мысль, 1965.
- Лесков Н. С.* Чающие движения воды (Романическая хроника) // Отечественные записки. — 1867. — Т. 171. — С. 463–513.
- Маркевич Б. М.* Полное собрание сочинений и писем. В 11 т. Т. 11. Чад жизни. Рассказы и очерки. — М. : Издательство М. В. Саблина, 1912.
- Маркс К.* О сословных комиссиях Пруссии // Собрание сочинений. В 50 т. : пер. с нем. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1975. — С. 275–291.
- Михайловский Н. К.* Письма о русской интеллигенции : Письмо I // Современное обозрение. — 1868. — № 6. — С. 337–351.
- Мотин С. В.* О понятии «интеллигенция» в творчестве И. С. Аксакова и П. Д. Боборыкина // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. — 2012. — № 27. — С. 838–844.
- Никитенко А. В.* Дневник. В 3 т. Т. 2 / под ред. И. Я. Айзенштока. — М., Л. : Гослитиздат, 1955.
- Никитенко А. В.* Дневник. В 3 т. Т. 3 / под ред. И. Я. Айзенштока. — М., Л. : Гослитиздат, 1956.
- Огородников П. И.* Очерки Персии. — СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1878.
- Одоевский В. Ф.* «Текущая хроника и особые происшествия» : Дневник В. Ф. Одоевского 1859–1869 гг. // Литературное наследство. Т. 22/24 / под ред. П. И. Лебедева-Полянского. — М. : Жур. газ. объединение, 1935. — С. 79–308.
- Панфилов А. К.* О слове интеллигенция // Вопросы языкознания и русского языка : Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. — 1970. — № 353. — С. 362–373.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений. В 20 т. Т. 9. Рассказы и очерки : Критика и публицистика. 1868–1883. — М. : Художественная литература, 1970.

- Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений. В 20 т. Т. 13. Господа Головлевы. 1875–1880. Убежище Монрепо. 1878–1879. Круглый год. 1879–1880. — М. : Художественная литература, 1972.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений. В 20 т. Т. 16. Сказки. 1869–1886. Пестрые письма. 1884–1886. — М. : Художественная литература, 1974.
- Сорокин Ю.* Развитие словарного состава русского литературного языка : 30–90-е годы XIX века. — М. : Наука, 1965.
- Степанов Ю. С.* «Жрец» нарекись, и знаменуйся : «Жертва» (К понятию «интеллигенция» в истории российского менталитета) // Русская интеллигенция : История и судьба / под ред. Т. Б. Князевской. — М. : Наука, 1999. — С. 14–44.
- Ткачев П. Н.* Сочинения. В 2 т. Т. 1 / под ред. А. А. Галактионовой, В. Ф. Пустарнаковой. — М. : Мысль, 1975.
- Тургенев И.* Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. Т. 8 / под ред. М. П. Алексеева. — М. : Наука, 1981.
- Успенский Б. А.* Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм : История и типология / под ред. Н. Г. Охотина. — М. : О.Г.И., 1999. — С. 7–20.
- Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 13. — М. : Издательство АН СССР, 1951.
- Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 13. — М. : Издательство АН СССР, 1953.
- Черняк Я. З.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве по архивным материалам : Последнее советское поколение. — М. : Academia, 1933.
- Шелгунов Н. В.* Неудавшаяся «Беседа» и задачи интеллигенции // Дело. — 1871. — № 5. — С. 20–49.
- Шелгунов Н. В.* Внутреннее обозрение // Дело. — 1875. — № 9. — С. 123–150.
- Шмидт С. О.* «Интеллигенция» — слово пушкинского окружения // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998. Ч. 2 / под ред. А. Н. Сахарова. — М. : ИРИ РАН, 2000. — С. 90–108.
- Языков Н.* [Шелгунов Н. В]. Теперешний интеллигент // Дело. — 1875. — № 10. — С. 70–101.

Gayda, F. A. 2020. "‘Russkaya intelligentsiya’: rozhdeniye ponyatiya [‘Russian intelligentsia’: the Birth of the Concept]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] IV (2), 229–248.

FEDOR GAYDA

DOCTOR OF LETTERS IN HISTORY; HABILITATED DOCTOR, PROFESSOR AND CONSULTANT,
I. KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY

“RUSSIAN INTELLIGENTSIA”: THE BIRTH OF THE CONCEPT

Submitted: Dec. 21, 2019. Accepted: Apr. 08, 2020.

Abstract: The question of the emergence in Russia of the social concept of “intelligentsia” is considered in the article. The Russian term “intelligentsia” as a certain social group (educated society, collective thinking personality) was formed in the 60s. XIX century under Polish influence (in Poland, in turn, the concept originated from Germany). The decisive importance in this was played by the journalism of I. S. Aksakov. Initially, the term was perceived as foreign and often became the object of ironic attacks (N. S. Leskov, I. S. Turgenev, N. K. Mikhailovsky). However, in the late 1860s. a new concept was adopted by the Populist publicists (N. V. Shelgunov, P. N. Tkachev). Out-of-class understanding of the “intelligentsia” was of great importance for populists. The convergence of the new concept with the bourgeois layers occurred in the 1870s, which again provoked criticism from the writers (G. I. Uspensky, M. E. Saltykov-Shchedrin). The concept of “advanced intelligentsia” (P. L. Lavrov) appeared as an answer. In general, the evolution of the term in Russia corresponded to the Polish tendency: from an abstract philosophical category to the designation of an educated society, and then to its progressively thinking (advanced) forces. New meanings arose against the background of the crisis of the estate system and the formation of the public as an independent political force. The main weapon of this new force was thought and consciousness, which constantly prompted to withdraw the term “intelligentsia” from the blows of critics and to invest in it new positive meanings.

Keywords: Intelligentsia, I. S. Aksakov, N. Ya. Danilevsky, F. M. Dostoevsky, N. K. Mikhailovsky, P. L. Lavrov, P. N. Tkachev, M. E. Saltykov-Shchedrin.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-2-229-248.

REFERENCES

- Aksakov, I. S. 1886. [in Russian]. Vol. 3 of *Sochineniya I. S. Aksakova 1860–1886* [Writings of I. S. Aksakov 1860–1886]. 7 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya L. G. Volchaninova.
- . 1887a. [in Russian]. Vol. 6 of *Sochineniya I. S. Aksakova 1860–1886* [Writings of I. S. Aksakov 1860–1886]. 7 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya L. G. Volchaninova.
- . 1887b. [in Russian]. Vol. 7 of *Sochineniya I. S. Aksakova 1860–1886* [Writings of I. S. Aksakov 1860–1886]. 7 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya L. G. Volchaninova.
- . 1891. [in Russian]. Vol. 2 of *Sochineniya I. S. Aksakova* [Writings of I. S. Aksakov]. 4 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya A. S. Suvorina.
- Boborykin, P. D. [Boborykin, P. D.] 1886. [in Russian]. Vol. 5 of *Sobraniye sochineniy* [Complete Works]. 12 vols. Moskva [Moscow]: Tipografiya Tovarishchestva M. O. Vol’fa.

- . 1904. “Russkaya intelligentsiya [Russian Intelligentsia]” [in Russian]. *Russkaya Mysl’ [Russian Thought]*, no. 12: 80–82.
- Chernyak, Ya. Z. 1933. *Ogarev, Nekrasov, Gertsen, Chernyshevskiy v spore ob ogarevskom nasledstve po arkhivnym materialam [It Was Forever, Until it Was Over]: Posledneye sovet-skoye pokoleniye [The Last Soviet Generation]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Academia.
- Dal’, V. I. 1881. *Tolkovyy slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of Living Great Russian Language]* [in Russian]. Vol. 2. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg] and Moskva [Moscow]: Tipografiya Tovarishchestva M. O. Vol’fa.
- Danilevskiy, N. Ya. 1995. *Rossiya i Yevropa [Russia and Europe]: Vzgljad na kul’turnyye i politicheskiye otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu [Views on Cultural and Political Relations of the Slavic World to German-Romanian]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Glagol’.
- Dostoyevskiy, F. M. 1980. *Dnevnik pisatelya 1873. Stat’i i zametki 1873–1878 [Writer’s Diary in 1873. Articles and notes 1873–1878]* [in Russian]. Vol. 21 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*, ed. by L. D. Opuł’skaya. 30 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Nauka.
- . 1988. *Pis’ma, 1878–1881 [Letters, 1878–1881]* [in Russian]. Vol. 30, bk. 1 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*, ed. by A. V. Arkhipova. 30 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Nauka.
- Gayda, F. A. 2019a. “Missiya ‘intelligentsii’ v publitsistike russkogo osvoboditel’nogo dvizheniya (1882–1909) [Mission of ‘intelligentsia’ in Publicity of the Russian Liberation Movement (1882–1909)]” [in Russian]. *Voprosy filosofii [Question of Philosophy]*, no. 9: 141–149. doi:10.31857/S004287440006326-3.
- . 2019b. “Ponyatiye ‘lichnost’ v epokhu Dostoyevskogo [Notion of ‘Personality’ During the Time of Dostoevsky]: samosoznaniye ili samopozhertvovaniye? [Self-Consciousness or Self-Sacrifice?]” [In Russian]. *Dostoyevskiy i mirovaya kul’tura [Dostoevsky and World Culture]: Filologicheskii zhurnal [Philological Journal]* 6 (2): 45–71. doi:10.22455/2619-0311-2019-2-45-71.
- Gegel’, G. V. F. [Hegel, G. W. F.] 1990. *Filosofiya prava [Grundlinien der Philosophie des Rechts]* [in Russian]. Trans. from the German by B. G. Stolpner and M. I. Levina. Moskva [Moscow]: Mysl’.
- . 2000. *Lektsii po filosofii istorii [Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte]* [in Russian]. Trans. from the German by A. M. Voden. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Jedlicki, J. 2009. “Problems with the Intelligentsia” [in Russian]. *Acta Poloniae Historica* 100:15–30.
- Klyuchevskiy, V. O. 1968. *Pis’ma. Dnevniki. Aforizmy i mysli ob istorii [Letters. Diaries. Aphorisms and Thoughts About History]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Lavrov, P. L. 1965. [in Russian]. Vol. 2 of *Filosofiya i sotsiologiya [Philosophy and Sociology]: Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]*, ed. by A. F. Okulov. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl’.
- Leskov, N. S. 1867. “Chayushchiye dvizheniya vody (Romanicheskaya khronika) [Charming Water Movements (The Romanic Chronicle)]” [in Russian]. *Otechestvennyye zapiski [Fatherland Notes]* 171:463–513.
- Markevich, B. M. 1912. *Chad zhizni. Rasskazy i ocherki [The Chad of Life. Stories and Essays]* [in Russian]. Vol. 11 of *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Complete Works]*. 11 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel’stvo M. V. Sablina.

- Marks, K. 1975. "O soslovykh komissiyakh Prussii [Ueber die staendischen Ausschusse in Preussen]" [in Russian]. In *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, by K. Marks and F. Engel's, 275–291. 50 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Motin, S. V. 2012. "O ponyatii 'intelligentsiya' v tvorchestve I. S. Aksakova i P. D. Boborykina [On the Notion 'Intelligentsia' in the Works of I. S. Aksakov and P. D. Boborykin]" [in Russian]. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo [Proceedings of the Belinsky State Pedagogical University]*, no. 27: 838–844.
- Nikitenko, A. V. 1955. [in Russian]. Vol. 2 of *Dnevnik [Diary]*, ed. by I. Ya. Ayzenshtok. 3 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Goslitizdat.
- . 1956. [in Russian]. Vol. 3 of *Dnevnik [Diary]*, ed. by I. Ya. Ayzenshtok. 3 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Goslitizdat.
- Odoyevskiy, V. F. 1935. "'Tekushchaya khronika i osobyye proisshestviya' ['Current Chronicles and Special Events']": Dnevnik V. F. Odoyevskogo 1859–1869 gg. [Diary of V. F. Odoyevsky 1859–1869]" [in Russian]. In *Literaturnoye nasledstvo [Literary Heritage]*, ed. by P. I. Lebedev-Polyanskiy, 22/24:79–308. Moskva [Moscow]: Zhur. gaz. ob'yedineniye.
- Ogorodnikov, P. I. 1878. *Ocherki Persii [Essays on Persia]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
- Panfilov, A. K. 1970. "O slove intelligentsiya [About the Word Intelligentsia]" [in Russian]. *Voprosy yazykoznaniiya i russkogo yazyka [Linguistics and Russian Language Issues]: Uchenyye zapiski MGPI im. V. I. Lenina [Academic Notes of Lenin's Moscow Pedagogical State University]*, no. 353: 362–373.
- Protasov, A. [Mikhaylovskiy, N. K.] 1868. "Pis'ma o russkoy intelligentsii [Letters on Russian Intelligentsia]: Pis'mo I [Letter I]" [in Russian]. *Sovremennoye obozreniye [Contemporary Review]*, no. 6: 337–351.
- Saltykov-Shchedrin, M. Ye. 1970. *Rasskazy i ocherki [Child of life. Stories and Essays]: Kritika i publitsistika. 1868–1883 [Criticism and Publicism. 1868–1883]* [in Russian]. Vol. 9 of *Sobraniye sochineniy [Complete Works]*. 20 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- . 1972. *Gospoda Golovlevy. 1875–1880. Ubezshishche Monrepo. 1878–1879. Kruglyy god. 1879–1880 [Gentlemen of the Golovlevs. 1875–1880. The Sanctuary of Montrepo. 1878–1879. All Year Round. 1879–1880]* [in Russian]. Vol. 13 of *Sobraniye sochineniy [Complete Works]*. 20 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- . 1974. *Skazki. 1869–1886. Pestryye pis'ma. 1884–1886 [Fairy tales. 1869–1886. Painted letters. 1884–1886]* [in Russian]. Vol. 16 of *Sobraniye sochineniy [Complete Works]*. 20 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Shelgunov, N. V. 1871. "Neudavshayasya 'Beseda' i zadachi intelligentsii [The Failed 'Conversation' and the Challenges of the Intelligentsia]" [in Russian]. *Delo [The Case]*, no. 5: 20–49.
- . 1875. "Vnutrenneye obozreniye [Inner View]" [in Russian]. *Delo [The Case]*, no. 9: 123–150.
- Shmidt, S. O. 2000. "'Intelligentsiya'—slovo pushkinskogo okruzheniya ['Intelligentsia'—Word of Pushkin's Company]" [in Russian]. In *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN. 1997–1998 [Proceedings of Institute of Russian History RAS. 1997–1998]*, ed. by A. N. Sakharov, bk. 2, 90–108. Moskva [Moscow]: IRI RAN.
- Sorokin, Yu. S. 1965. *Razvitiye slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka [Development of the Vocabulary of the Russian Literary Language]: 30–90-ye gody XIX veka [30–90s of the XIX century]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Stepanov, Yu. S. 1999. "'Zhrets' narekis', i znamenuysya [The 'Priest' Call Yourself, and Be Known]: 'Zhertva' (K ponyatiyu 'intelligentsiya' v istorii rossiyskogo mentaliteta) ['Victim'

- (To the Concept of 'Intelligentsia' in the History of the Russian Mentality)]" [in Russian]. In *Russkaya intelligentsiya [Russian Intelligentsia] : Istoriya i sud'ba [History and Fate]*, ed. by T. B. Knyazevskaya, 14–44. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Tkachev, P. N. 1975. [in Russian]. Vol. 1 of *Sochineniya [Works]*, ed. by A. A. Galaktionova and V. F. Pustarnakova. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Turgenev, I. S. 1981. [in Russian]. Vol. 8 of *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Complete Works and Letters]*, ed. by M. P. Alekseyev. 12 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Uspenskiy, B. A. 1999. "Russkaya intelligentsiya kak spetsificheskiy fenomen russkoy kul'tury [Russian Intelligentsia as a Specific Phenomenon of Russian Culture]" [in Russian]. In *Russkaya intelligentsiya i zapadnyy intellektualizm [Russian Intelligentsia and Western Intellectualism] : Istoriya i tipologiya [History and Typology]*, ed. by N. G. Okhotin, 7–20. Moskva [Moscow]: O.G.I.
- Uspenskiy, G. I. 1951. [in Russian]. Vol. 13 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*. 14 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- . 1953. [in Russian]. Vol. 13 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*. 14 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Yazykov, N. [Shelgunov, N. V]. 1875. "Tepereshniy intelligent [The Present Intellectual]" [in Russian]. *Delo [The Case]*, no. 10: 70–101.
- Zhukovskiy, V. A. 2004. [in Russian]. Vol. 14 of *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Complete Works]*, ed. by I. A. Ayzikova and N. Zh. Vëtsheva. 20 vols. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoy kul'tury.